

Ян Зоугар

Т. Г. МАСАРИК И СЛАВЯНСТВО

К анализу дуализма западничества и славянофильства в русском сознании

Славянский вопрос стал для Т. Г. Масарика одной из тем всей его жизни. Масарик опирался на глубокое знание культурных, экономических и политических отношений отдельных славянских народов и в течение всей своей научной и политической деятельности критически дистанцировался от всех форм панславизма и неославизма. Он считал, что объективное изучение всех составляющих жизни славянских народов должно быть необходимым условием культурного, экономического и политического сотрудничества, направленного на национальное и социальное освобождение равноправных славянских народов. Масарик посещал Россию в 1887, 1888, 1910 и 1917–1918 гг. Накануне Первой мировой войны он написал работу «Россия и Европа» (1913), которая вообще является самым обстоятельным его исследованием. Масарик продемонстрировал глубокое знание российских культурных и политических условий, и благодаря этому текст не устарел и до сих пор может служить базовым пособием по изучению интеллектуальной истории России. Пытаясь найти сущность русского сознания, Масарик критиковал две ключевые тенденции русской духовной жизни: крайний консерватизм (теократию) и крайний анархизм (нигилизм, терроризм). Его анализ условий русской духовности связан с размышлениями о политических аспектах славянской проблематики и представляет собой однозначное отвержение как панславизма, так и славянофильских тезисов свободы от политики и народного единения без свободы.

Ключевые слова: Т. Г. Масарик, славянство, русская философия, западничество, славянофильство, русская культура.

A prominent and permanent theme in T. G. Masaryk's lifetime work was the so-called Russian and Slavonic question. Masaryk drew on his extensive knowledge of cultural, economic and political situation in the individual Slavonic nations and maintained a critical distance from all forms of Pan-Slavism and Neo-Slavism throughout his scientific and political career. On the basis of his personal experience, he decided to respond critically to contemporary Russophilya and Slavophilya in Czech thought and politics. When Masaryk first visited Russia in 1887 and then again in 1888, he had already been well acquainted with the Russian culture and lifestyle. His third visit to Russia took place in 1910 and the fourth in 1917–1918. Before the outbreak of World War I, Masaryk expressed his opinions on Russia in his *Russia and Europe* (1913), his most extensive work. In this work, his long-term relationship to the Russian culture, history and thought culminated and he proved his knowledge of Russian cultural and political situation. The immensely valuable content of the text is still topical and can serve as a basic textbook for the study of Russian intellectual history. Trying to find the essence of Russian thought, Masaryk criticized the two fundamental aspects of Russian intellectual life – extreme conservatism (theocracy) and extreme anarchism (nihilism, terrorism). Masaryk's analysis of Russian intellectual situation relates to considerations of political aspects of the Slavonic issue and represents a clear rejection of Pan-Slavism as well as the Slavophylic theses of liberty from politics and people's unity without liberty.

Keywords: T. G. Masaryk, Slavdom, Russian philosophy, Westernism, Slavophilism, Russian culture.

Т. Г. Масарик (1850–1937) с 1882 по 1914 гг. был профессором философии в пражском Карловом университете, с 1907 г. он стал депутатом австрийского Имперского совета, в 1914–1918 гг. был лидером чехословацкого зарубежного сопротивления, а в 1918–1935 гг. он был первым чехословацким президентом. Славянский вопрос стал для Т. Г. Масарика одной из тем всей его жизни. Уже в одной из первых своих статей («Законы просвещения и будущее славянства», 1877), а затем в «Славянских исследованиях», «России и Европе», «Новой Европе» и, наконец, в «Мировой революции» он, будучи хорошо осведомленным в данном вопросе, занимается славянской проблематикой, используя методы, которые были уже неоднократно подробно проанализированы в масариковедческой литературе. Среди этих работ хотелось бы выделить следующие: монографию Вратислава Доубека «Т. Г. Масарик и чешская славянская политика 1882–1910» (1999), потому что в ней представлен список как источников, так и исследовательской литературы по данной теме; сборник материалов международной конференции «Т. Г. Масарик, Россия и Европа – творчество, виденье, настоящее» (2002), в котором продемонстрирован плюрализм подходов к пониманию проблемы славянства у Т. Г. Масарика; коллективную монографию В. Доубека, Л. Гладки, Р. Влчека и др. «Т. Г. Масарик и славяне» (2013). Из ряда анализов видно, что Т. Г. Масарик опирался на глубокое знание культурных, экономических и политических отношений отдельных славянских народов и что в течение всей своей научной и политической деятельности он соблюдал критическую дистанцию по отношению которого всем формам панславизма и неославизма¹.

Крупный чешский славист Франк Воллман (1888–1969) понимал славянство как совокупность всех проявлений славянских взаимосвязей, «от простого, иногда и подсознательного воспри-

¹ Отмечу, что чешские мыслители интересовались славянской тематикой с начала XIX в. В частности, Й. Добровский издавал славянские сборники («Славин», 1806; «Слованка», вып. 1, 1814, вып. 2, 1815), а его работа «Грамматика языка славянского по древнему наречию» (1822) послужила толчком к основанию славистики как науки. Представители чешского национального возрождения Й. Добровский, В. Ганка, Я. Коллар, Я. Челаковский и П. Шафаржик налаживали контакты с учеными и писателями других славянских народов и практически воплощали в жизнь идею славянской взаимности. Я. Коллар разобрал в своем сочинении «Хорошие качества народа славянского» (1822) качества славян (религиозность, усердное трудолюбие, невинная веселость, любовь к родному языку, терпимость). П. Шафаржик включил этот разбор в свою «Историю славянского языка и литературы по всем наречиям» (1826) – первую общую историю славянских литератур, а растущий интерес к славянской народной словесности и фольклору он отразил в своей фундаментальной работе «Славянские древности» (1837).

ятия до сознательных проявлений сплоченности, солидарности и намеренного сотрудничества» [1, с. 225]. Далее, как славизм он характеризовал «только то, что становится движением, концепцией, идеологией, программой, то есть то, что уже является сознательным проявлением славянской сплоченности и достигает уровня программного сотрудничества славянского, межславянского» [1, с. 225]. Панславизм как интегральную и исторически действующую идеологию он считал «иногда даже небезопасным средством политическим, придуманным и поддерживаемым врагами славян» [1, с. 225]. Ф. Воллман охарактеризовал току зрения Т. Г. Масарика как «критический славизм» или «славянский научный реализм». Т. Г. Масарик подчеркивал объективное постижение всех составляющих жизни славянских народов как исходную точку культурного, экономического и политического сотрудничества, направленного на национальное и социальное освобождение равноправных славянских народов на принципах демократии и социальной справедливости.

Т. Г. Масарик выучил русский язык во время учебы, он читал русскую художественную литературу и литературные журналы, переводил некоторые произведения, а в конце 1880-х гг. сам начал писать тексты о русских авторах. «Масарик познал российскую обстановку по собственному опыту и литературе. Благодаря этой комбинации он стал настоящим ее знатоком, поэтому нет причин удивляться, что именно русскую художественную литературу он считал оптимальной для профилирования всего чешского отношения к России и что он, к примеру, ходатайствовал о том, чтобы в «Русской библиотеке» Отто были опубликованы произведения ключевых русских авторов, а также другие достоверные произведения, объективно описывающие российскую действительность» [2, с. 31].

Впервые Т. Г. Масарик посетил Россию весной 1887 г., то есть через двадцать лет после Славянского съезда 1867 г., в котором с чешской стороны приняли участие представители чешской политической жизни того времени Франтишек Палацкий и Франтишек Ладислав Ригер¹, а затем сразу же, в 1888 г., он отправился туда снова. Третью поездку в Россию он совершил в 1910 г., чтобы в связи с подготовкой издания «России и Европы» посетить биб-

¹ В конце мая 1867 г. представительская группа чешских общественных деятелей (Ф. Палацкий, Ф. Л. Ригер, Ф. А. Браунер, Юлиус Грегр и др.) отправилась в Москву на этнографическую выставку и в Санкт-Петербург, где 26 мая она была принята императором Александром II. Несмотря на критику со стороны некоторых чешских пулицистов, поездка в Россию вызвала восторг и рост прорусских и прославянских симпатий [8, с. 227–228].

лиотеки и проконсультироваться с некоторыми литераторами и политиками, четвертую – в 1917–1918 гг. Еще до первой своей поездки в Россию Т. Г. Масарик был достаточно подробно ознакомлен с российскими условиями. В Санкт-Петербург он ехал через Польшу и остановился в Варшаве, встретившись в университете с профессором славистики К. Я. Гротом, давшим ему рекомендацию к своему брату Н. Я. Гроту, профессору философии в Москве. В России Т. Г. Масарик пребывал по большей части в Санкт-Петербурге (которым был очарован), однако был и в Москве, и в Ясной Поляне у Л. Н. Толстого, и в Киеве, Одессе, и в других местах. Побывал он и у своего старого знакомого Э. Л. Радлова, а также встречался с В. И. Ламанским, А. А. Куником, А. Н. Пыпиным, Н. Н. Страховым и другими. О результатах его поездки нам, с одной стороны, повествуют письма выдающемуся чешскому филологу, профессору пражского университета Яну Гебауэру, а с другой, его статьи в журналах «Время» и «Атенеум» («Athenaeum»), а также объемное сочинение «Славянские исследования I (Славянофильство Ивана Васильевича Киреевского)», изданное в виде книги в 1889 г.

Публицистические тексты и научные исследования убеждают нас в том, что Т. Г. Масарик, основываясь на своем опыте, решил критически реагировать в первую очередь на прорусские и славянофильские настроения в чешской политической мысли. «Славянские исследования I (Славянофильство Ивана Васильевича Киреевского)» должны были стать первым исследованием цикла о славянском вопросе. Вторая часть «Славянских исследований» под названием «Славянская взаимность Яна Коллара», опубликованная по частям в «Нашем времени» за 1894 г., использовалась Т. Г. Масариком в работе «Чешский вопрос» (1895), другие две части, которые должны были быть посвящены Ф. М. Достоевскому и А. Мицкевичу, не были изданы.

Почему же Т. Г. Масарик в «Славянских исследованиях I» обратился прежде всего к анализу взглядов И. В. Киреевского? Он считал его мыслителем, заложившим основы славянофильства и использовавшим религиозно-исторический метод. Т. Г. Масарик, однако, отверг славянофильскую идеологию, в частности тезис об избранности русского народа, а также подход И. В. Киреевского к гуситскому движению и чешской Реформации.

К итогам поездок Т. Г. Масарика в Россию можно добавить его полемику с В. И. Ламанским о чешском вопросе (1888), рецензию чешского перевода работ Л. Н. Толстого (1890), участие в дискуссии о российско-польских отношениях («Время», 1891) и в первую очередь – его отвержение идеи о возможности духовного и политического сближения чехов и русских. Накануне Первой миро-

вой войны он подробно обосновал свою позицию в работе «Россия и Европа» (1913).

В конце Первой мировой войны Т. Г. Масарик во время своих эмигрантских скитаний по разным странам, когда он старался содействовать обретению чехословацкой независимости, написал «Новую Европу» с подзаголовком «Славянская точка зрения» и издал ее в 1918 г. сначала на английском и французском языках, а в 1920 г. – на чешском языке. В этой работе он сосредоточился в первую очередь на анализе послевоенного устройства европейских отношений, назвав трактовку Первой мировой войны как столкновение германского и славянского миров неправильной и односторонней. Он противопоставил пангерманизм, как антиславянские, шовинистические и даже мистические попытки немцев подчинить себе негерманские народы, и панславизм, проповедуемый славянскими философами, историками и политиками и ориентированный прежде всего на литературную и культурную взаимность славянских народов. По мнению Т. Г. Масарика, отсюда следует дилемма, определяющая европейский порядок в будущем: или Центральная Европа будет немецкой, или она будет свободной и демократической. Политическое освобождение, с его точки зрения, «не является и не может быть только национальным, но есть демократическое; национальное оно до той поры, пока национальность является демократической и социальной» [4, с. 167].

Приведенная позиция отражена и в «Мировой революции» (1925), а именно в главах «Панславизм и наша революционная армия», «Возникновение нашей республики» и «Демократия и гуманизм». Т. Г. Масарик был уверен в том, что панславизм был сформулирован как «программа культурной и духовной взаимности» [3, с. 517] и лишь позднее стал у некоторых философов и политиков – политической программой. Несмотря на то, что он отрицал славянский мессианизм Я. Коллара («славянского мессианизма научно придерживаться невозможно» [3, с. 517]), он ценил его трактовку славянской взаимности «в значении чистой гуманности и просвещенности: славянин был тождественен человеку, а славянские политические идеалы были в то же время идеалами чистой демократии» [3, с. 517].

Т. Г. Масарик всегда старался избегать односторонних оценок и высказываний, поэтому он ссылаясь «на взаимность не только славянских, но и всех народов» [3, с. 518], имея в виду человеческую культуру в целом. Он подчеркивал, что сам «всегда, в том числе и во время войны, занимался славянской политикой», но у него были «на ее суть и цели другие взгляды, нежели те, что обычно провозглашались и до сих пор провозглашаются». Он даже считал, что чешский народ может в рамках славянской взаим-

ности сыграть ведущую роль, потому что он был единственным, смогшим «испытывать симпатию ко всем славянам, не обращая внимания на различия, в первую очередь церковные, которые все еще разобщают народы, при этом именно славянские» [3, с. 523].

Самая обстоятельная работа Т. Г. Масарика – это «Россия и Европа». В ней в наивысшей степени отразилось всестороннее знание фактического материала, обусловленное многолетней связью Т. Г. Масарика с русской культурой, философией и историей и указывавшее на наличие «его более широкого интереса к вопросам славянства как одной из существенных проблем в развитии всей Европы» [6, с. 11]. История публикации основной работы чешского мыслителя заканчивается лишь в 1996 г., когда она наконец-то была издана целиком на чешском языке. При этом первый том (первые две части) впервые вышел на немецком языке в 1913 г. в Йене. В «России и Европе» Т. Г. Масарик продемонстрировал глубокое знание российских культурных и политических условий. Благодаря исключительной информационной ценности текст его работы не устарел и до сих пор может послужить как базовое пособие по изучению российской интеллектуальной истории. Естественно, дискуссии могут вызвать некоторые оценочные суждения Т. Г. Масарика, как, например, характеристика Ф. М. Достоевского как души России, причем в первую очередь потому, что они касаются все еще актуальных проблем. В этом плане мы рассмотрим одну из многих тем, которые открывает работа Т. Г. Масарика: его подход к дуализму славянофильства и западничества в русской философской культуре.

С 70-х годов XIX в. Т. Г. Масарик пытался найти сущность русского воззрения. Известно, что для объяснения общественных явлений и идейных течений он часто использовал, конструировал и анализировал их внутренние противоречия. Так, в его подходе к истории и попытках понять ее движущие силы мы встречаем у него наряду с историко-философскими тезисами католицизм/протестантизм, революцию/реформацию, теократию/демократию. В этом плане Россия предлагала большие возможности и ряд альтернатив. Одной из характеристик российского воззрения и культуры в целом является «двойность, дуализм, параллельное развитие в двух противоположных вариантах» [7, с. 13], что предполагает необходимость выбора. Во введении к «России и Европе», озаглавленном «Русский монах», Т. Г. Масарик писал, монастыри занимали центральное положение в церковной жизни России, в них развивался мистицизм, а русский монах посвящал себя исключительно созерцанию, был только аскетом, отвернувшимся от жизни и мира, в отличие от европейских католических монахов, занимавшихся активной деятельностью вне стен монастырей

(члены орденов были фельдшерами, учителями, врачами, работали на пользу общества). Напомним, что Т. Г. Масарик – критик русской духовности, которая, с одной стороны, была не совместима с принципами индивидуальности и человеческой автономии, а с другой, характеризовалась экзальтированным, гипертрофированным индивидуализмом; критика Т. Г. Масарика была направлена в первую очередь на две ключевые тенденции русской духовной жизни: крайний консерватизм (теократию) и крайний анархизм (нигилизм, терроризм).

После «выстрела» П. Я. Чаадаева, раздавшегося в темную ночь, как назвал А. И. Герцен первое философическое письмо, опубликованное в сентябре 1836 г. в московском журнале «Телескоп», с 40-х гг. XIX в. началось длительное противоборство идейных течений западничества и славянофильства в русской культуре, и оно продолжается, по сути, до сих пор. Русское философское мышление характеризуется в абсолютном большинстве случаев философствованием над историей и значением национального существования России. Важной его частью является также открытая и скрытая религиозность. Можно сказать, что наряду с полярностью коллективность/индивидуальность именно эти черты и привлекали внимание Т. Г. Масарика.

Какие же критерии использует Т. Г. Масарик при различении славянофильства и западничества? В рамках его историко-философской полярности теократия/демократия, или, говоря по-другому, органического сообщества и современной цивилизации, он полагал, что основное различие между славянофилами и западниками заключается в их отношении к церковно-религиозной практике и в методе решения метафизических вопросов. Славянофилы, с этой точки зрения, принимают православие, в то время как западники отвергают его церковную форму, а некоторые доходят вплоть до утраты религиозных убеждений. Для Т. Г. Масарика славянофилы являются поборниками России и ее прошлого, они более консервативны (влияние позднего Ф. Шеллинга), верят в богоизбранность России, реакционеры, националисты и панслависты. Западники – поборники Европы, настоящего, новой эпохи, представляют научную Россию, прогрессивную философию (влияние Г. Гегеля), считают Европу образцом для России, критикуют свою родину, однако нередко и европейские условия, политически они либералы и социалисты, космополиты и гуманисты. Несмотря на его симпатии к В. Г. Белинскому, необходимо сказать, что при анализе представителей первой эпохи как славянофильства, так и западничества, Т. Г. Масарик не удовлетворен их пониманием религиозной жизни, основанной на мистицизме, в той же степени,

как и их предпочтением коллективности жизни (или же нигилизма) в ущерб действительной автономии человека.

Можно ли вообще проводить четкую границу между славянофильством и западничеством в русской философии? Т. Г. Масарик сам хорошо осознавал то, что «часто нелегко решить, относить ли отдельных мыслителей к западникам или славянофилам» [5, с. 248]. Ведь И. В. Киреевский, основатель славянофильства, был изначально сторонником западничества, приверженцем европейской образованности и программы европеизации России. Позднее он пришел к мнению, что Россия по сути своей от Европы отличается, что у нее есть своя собственная опора в православии, что основой российского общества является общинность, а носителями русской культуры выступают крестьянин, мужик, деревня. В. Г. Белинский, яркий представитель западничества, почитатель Европы, помог создать фундамент для русской национальной художественной литературы. А. И. Герцен, выросший в традициях либеральной и гуманистической философии, преисполненный в 1848 г. революционным воодушевлением и восхищенный Европой, строит в дальнейшем свою модель т. н. русского социализма на трех принципах: праве каждого на землю, общем владении землей и деревенском общинном самоуправлении. Как и многие западники, он критиковал российские условия, ошибки и недостатки России, но познание Европы привело его к любви к России, убежденности в ее исключительной роли в мировой истории. Т. Г. Масарик констатирует, что «разногласия между славянофилами и западниками велики, но *in concreto*, с исторической точки зрения, существуют различные и многочисленные переходы, представители обоих направлений влияют друг на друга, корректируют и дополняют друг друга» [5, с. 250]. Он обращает внимание и на постоянно предпринимавшиеся попытки синтеза западничества и славянофильства (А. А. Григорьев).

Действительно ли возможен синтез западничества и славянофильства в русской культуре? Или, говоря по-другому, каков характер русского мышления в XIX веке? Т. Г. Масарик обращает внимание на то, что в размышлениях П. Я. Чаадаева большую роль играет т. н. географический фактор, который, в сущности, становится исходным пунктом рассуждений о противопоставлении Востока и Запада. Вследствие своего географического положения Россия не имеет собственной исторической традиции, она постоянно начинает заново, она «осталась изолирована от Востока и Запада» [5, с. 171]. Однако это в то же время и преимущество, и основание для будущей великой исторической роли России, ее мессианское предназначения. Мысли П. Я. Чаадаева Т. Г. Масарик критически разбирает в главе, озаглавленной «Теократия ка-

толическая против православной». Однако более значительной считается глава, посвященная славянофильству и названная «Мессианизм православной теократии. Славянофильство и панславизм» [5, с. 181–246]. Здесь Т. Г. Масарик обстоятельно рассуждает об идеях И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и И. С. Аксакова. Он сравнивает славянофильство с развитием национальной идеи у других славянских народов, со славянским возрождением и показывает, что объединение славян было задумано не как политическое объединение, а, скорее, как неполитическая взаимность, как культурный обмен. Национальное возрождение в отдельных славянских странах приводило впоследствии к большей языковой дифференциации и собственному установлению славянских наций, а в некоторых случаях вызывало взаимный антагонизм. Т. Г. Масарик считал славянофильство попыткой обновления теократии, первой осознанной славянской философией религии и истории, выражением славянского мессианизма. Научная слабость славянофильства, по его мнению, находится в поэтических основах всей системы; Ф. Шеллинг и Ф. Баадер не смогли преодолеть влияние Гегеля и левого гегельянства. Можно согласиться с мнением, что здесь масариковский анализ духовных условий России связан с размышлениями о политических аспектах славянской проблематики и представляет собой однозначное отвержение как панславизма, так и славянофильского принципа свободы от политики и народного единения без свободы. С этой точки зрения, рассуждения о синтезе западничества и славянофильства не имеют под собой оснований. Оба идейные течения представляют собой две стороны одного и того же явления – феномена России.

Литература

1. Воллман Ф. Чешский славизм, его прошлое и программа // Славянство в чешской национальной жизни / Под ред. Й. Мацурека. Брно: Rovnost, 1947.
2. Доубек В., Гладки Л., Влчек Р. Масарик и славяне. Прага: Институт истории АН ЧР, 2013.
3. Масарик Т.Г. Мировая революция. Прага: Orbis a Āin, 1925.
4. Масарик Т.Г. Новая Европа. Славянская точка зрения. Брно: Doplňěk, 1994.
5. Масарик Т.Г. Россия и Европа. Прага: Ústav TGM, 1995.
6. Опат Й. Россия и Европа. Опыт XX века в призме философии истории Масарика // Т. Г. Масарик, Россия и Европа – творчество, виденье, настоящее. Прага: Институт Масарика АН ЧР, 2002.
7. Постшиил И. Феномен сумасшествия в русской литературе XIX и XX веков. Брно: Масариков университет, 1995.
8. Урбан О. Чешское общество 1848–1918. Прага: Svoboda, 1982.

Zouhar, Jan. Masaryk and Slavophilism. Masaryk's analysis of the dualism of Westernism and Slavophilism in Russian thought

References

1. Vollman, F. Cheshskiy slavizm, yego proshloye i programma [Czech Slavism, its past and program], in *Slavyanstvo v cheshskoy natsional'noy zhizni* [Slavdom in the Czech national life], J. Matsurek (ed.), Brno: Rovnost, 1947.
2. Doubek, V., Gladki, L., Vlček, R. *Masarik i slavyane* [Masaryk and the Slavs], Prague: Institute of History of the Academy of Sciences of the Czech Republic, 2013.
3. Masarik, T.G. *Mirovaya revolyutsiya* [World revolution], Prague: Orbis a Čin, 1925.
4. Masarik, T.G. *Novaya Yevropa. Slavyanskaya tochka zreniya* [New Europe. Slavic point of view], Brno: Doplněk, 1994.
5. Masarik, T.G. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe], Prague: Masaryk Institute, 1995.
6. Opat, Y. *Rossiya i Yevropa. Opyt XX veka v prizme filosofii istorii Masarika* [Russia and Europe. The experience of the 20th century in the prism of Masaryk's philosophy of history], in *T. G. Masarik, Rossiya i Yevropa – tvorchestvo, viden'ye, nastoyashcheye* [T. G. Masaryk, Russia and Europe – creativity, provision, present] Prague: Masaryk Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic, 2002.
7. Pospishil, I. *Fenomen sumasshestviya v russkoy literature XIX i XX vekov* [Phenomenon of madness in the Russian literature of 19–20 centuries], Brno: Masarykov University, 1995.
8. Urban, O. *Cheshskoye obshchestvo 1848–1918* [The Czech society of 1848–1918], Prague: Svoboda, 1982.

DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.10>